

— Я ничего не хочу, лишь всю жизнь следовать за матушкой. Как в детстве: вы садитесь обедать — я подаю рис, вы упражняетесь с саблей — я держу ножны, вы идете на разбой — я стою на стреме.

Лицо матери Цзинь на мгновение смягчилось, но тут же стало еще суровее:

— Я тебя не упрекаю.

Да как же так! Почему ребенок какой-то атаманши ведет себя разумнее, чем моя родная Сяо Ци? Просто беда с ней... Впрочем, довольно. Об этих делах я уже читала в жизнеописании Фан Иту, составленном Третьей принцессой. Все там изложено ясно... Хотя, конечно, принцесса наверняка приукрасила. Не могла она быть настолько безупречной, чтобы не совершить ни одной ошибки ни в важных, ни в средних делах. Смертному такое не под силу. Надо будет разузнать, не помогал ли ей какой бессмертный, не благословлял ли ее тайно.

Спустя мгновение Чжан Хуа прохрипел:

— Матушка, если вы не распорядитесь всем четко и ясно, мне будет нелегко отмыться от подозрений.

Фан Дицзи резко открыла глаза:

— Огонь стихает, велите им окружить меня.

В душе она досадовала, что мать не желает ей верить, но понимала причину: столько лет она молча исполняла свой долг перед предками, вычеркивая достигнутые цели одну за другой, не произнося ни слова перед табличками. Фан Дицзи знала, как убедить мать в своей искренности. И она собиралась это сделать.

Помимо трех тысячников, ворвавшихся в храм, где среди руин еще тлели угли, к ней подошли все, кто обладал хоть каким-то весом и мастерством. Они опустились на колени вокруг Фан Дицзи.

Все затаили дыхание, внимая ее словам.

— Оботрите мне лицо.

Чистая вода из бурдюка намочила огнеупорную ткань, смывая с ее лица грязь и копоть. Лицо ее, белое как бумага, с густыми бровями и пронзительным взглядом, сохраняло величественность даже перед лицом смерти.

— Запомните, — негромко произнесла Фан Дицзи, — я — Фан Дицзи. После моей смерти бальзамируйте тело, доставьте его в Фанло и отвезите гроб в столицу. Передайте его Его Величеству и герцогу Вэй.

— Матушка! Шинян запомнила...

— Мое дело переходит к старшей дочери, но отныне управлять им будут Чжан Хуа и она сообща. Свою саблю с золотой спинкой я отдаю Чжан Хуа, а моя дочь станет его женой. Прошу вас, братья, оберегайте моих детей. Фан Дицзи будет вам бесконечно благодарна.

— Матушка... — Чжан Хуа, стиснув зубы, уткнулся лицом в ее ладони. — Слушаюсь.

— Глава Фан, не говорите таких слов.

— Генерал, вы должны лично сопровождать Фанло в столицу.

Ее голос не был суровым, но в нем слышалась властная сила полководца, отдающего приказ перед лицом многотысячного войска. В этот миг окружающим показалось, что перед ними не просто смертная, а величественная королева, сочетающая в себе дух вольной воительницы и царственное достоинство. Противоречивые образы слились воедино, и подобрать иные слова было невозможно.

Она покачала головой:

— Не поручайте никому восстановление этого храма после моей смерти, вы сами знаете почему. Чжан Хуа, раз уж ты столько лет звал меня матушкой, считай, что я видела своего зятя. Береги мою дочь. Не хочешь жениться — не надо, воля твоя.

Чжан Хуа поспешно поклялся, что скорее умрет, чем причинит вред старшей дочери Фан Дицзи.

— Не хороните Фанло рядом со мной. Соблюдайте все обряды, без излишеств, но и не скупитесь. Чэнь Лян, Ван Цянь и Цзинь Унян пойдут со мной в могилу.

— Хорошо, матушка, Шинян запомнила.

— Слушаемся.

— Глава Фан, пусть будет по-вашему.

Фан Дицзи немного подумала, поняла, что больше сказать нечего, и выплюнула пилюлю успокоения. Чжан Хуа ловко подхватил ее.

Как только пилюля покинула губы, Фан Дицзи мгновенно угасла: глаза ввалились, взгляд затуманился, в горле послышались хрипы, челюсти судорожно сжались, и душа покинула тело.

Чжан Хуа хотел было вложить пилюлю обратно, но зубы ее были крепко сжаты, а разжимать их силой он не решился. В мгновение ока дыхание Фан Дицзи прервалось. Чжан Хуа хотел разрыдаться, но знал — сейчас не время. Однако вокруг уже стоял плач, и сдержать свою скорбь было выше его сил. Издав крик, он выхватил короткий клинок, выскочил из храма, сбил Фанло с ног и занес нож, намереваясь перерезать ему жилы на руках и ногах.

Фанло, хоть и был связан, обладал крепким телосложением и многолетним опытом. Он перекатился, избегая удара, и, несмотря на то, что задетые отравленные иглы вызвали онемение половины тела, все же вскочил на ноги.

Высокий, статный, с лицом, словно у самого Пань Аня, он стоял с сияющими, ледяными глазами.

Чжан Хуа взмахнул клинком и закричал:

— Взять его!

Солдаты бросились вперед, но никак не могли скрутить этого, казалось бы, беспомощного книжника. Они забыли, все забыли: прежде чем стать ученым, Фанло тренировался вместе с Фан Дицзи, делал то же, что и она. Будь то разбой или кровавая схватка, он всегда был плечом к плечу с ней. Его мастерство было не слабее.

Чжан Хуа проревел:

— Дицзи скончалась! Если не сдашься, прикажу стрелять!

По его приказу две тысячи стрел нацелились на Фанло.

Тем временем Владычица Яочи не обращала внимания на парящую в воздухе Фан Дицзи. В ее руках появился кусок грубой мешковины. Взглянув на него, она пришла в такую ярость, что задрожала всем телом.

Фан Дицзи в недоумении парила в воздухе, разглядывая Владычицу, почесала бровь и нерешительно спросила:

— Я ведь не ошиблась?

Теперь, присмотревшись, она поняла: кажется, это не матушка. Ну да... Неудивительно, что говорила она странно. А я-то подумала, что матушка с годами стала мудрее. Оказывается, перепутала. Наверное, она увидела, что я при смерти, и решила из жалости меня утешить?

— Ошиблась? — Владычица стиснула зубы, сжимая мешковину. — Ошибка оказалась кстати. Отныне ты — моя дочь, девятая по счету. Хорошая девочка, Сяо Ци, ты у меня еще посмотришь, чего лишилась! Титул принцессы и Босуй больше к тебе не имеют отношения.

Фан Дицзи почесала голову, смущаясь:

— Позвольте спросить, кто вы?

Боже мой, перепутала мать и наговорила лишнего, какой позор. У-у-у, я ведь никогда не верила в призраков, а теперь попалась. И ведь почти совершила самоубийство, чтобы напоследок увидеть матушку. Стыдоба! А позади нее — балдахины, паланкины, свита... Видимо, эта небесная дева занимает высокий пост.

Владычица вернулась в паланкин и холодно посмотрела на нее, ожидая поклона:

— Я — глава небесных дев, супруга Верховного Императора Хаотяня, Владычица Яочи.

— Э-э... — Фан Дицзи остолбенела. — О, это не совсем уместно. А? Неужели в повозку впряжены настоящие фениксы? Как красиво... Нет, нельзя отвлекаться.

Владычица сверкнула глазами:

— Что же тут неуместного?

Фан Дицзи поспешно опустилась на колени — это был единственный известный смертному этикет при встрече с Царицей-матерью.

Фан Иту, смиренно уставившись в пол, проговорила:

— Для простой смертной видеть лик небесный — величайшая честь. Я с малых лет была обделена добродетелью, а повзрослев, лишь множила войны и захватывала власть. Моих заслуг недостаточно для столь высокого положения. Всю жизнь я совершила больше зла, чем добра. О бессмертии я и мечтать не смела, а если бы и удостоилась — была бы недостойна.

Владычица Яочи молчала, думая про себя: какая скромница. Впрочем, это лишь кокетство, скучно. Я знаю, что ты хочешь согласиться, ведь титул Дицзи в свое время ты сама выпросила у императора. Простых смертных обманешь, а меня — нет.

Фан Дицзи, не поднимая головы, осторожно добавила:

— Прошу прощения за свою дерзость, но на вашем лице гнев...

— Молчать! — прикрикнула Владычица. — Ху Бань, Цзи Ю, проводите фею Фан в мой дворец.

Паланкин развернулся, свита последовала за ним. Две благородные девы подхватили душу Фан Иту под руки.

— Благодарю вас, — прошептала та.

Дорога прошла в молчании, лишь из паланкина то и дело выглядывала прекрасная дева в красном, поглядывая на Фан Иту. Заметив, что все вокруг строго соблюдают этикет, Фан Иту не смела нарушать правила и шла с вежливой, застывшей улыбкой.

Когда их привели во дворец, сопровождавшие ее девы облегченно вздохнули:

— Фея Фан, мы — Ху Бань и Цзи Ю, прислужницы Владычицы.

Фан Иту отвесила глубокий поклон:

— Я Фан Иту, простая смертная, благодарю вас за помощь.

Ху Бань усмехнулась:

— Разве вы не слышали, что сказала Владычица? Вы — фея. К чему это самоуничижение?

Цзи Ю добавила:

— Фея Фан, смертным свойственно притворно отказываться, но Владычица ненавидит лицемерие. Если продолжите упорствовать, не только не станете девятой принцессой, но и в темницу угодите.

— Благодарю за совет, я запомню, — ответила Фан Иту.

— О чем это вы? — послышался холодный голос Владычицы. — Продолжай свое вранье.

Ее седьмая дочь Босуй снова прислала письмо, от которого Владычица была в ярости.

— Слушаюсь, — Фан Дицзи, игнорируя величие Владычицы, с поклоном продолжила: — Матушка, ваше гневное решение сделать меня дочерью было продиктовано моментом, а не истинным намерением. Если я соглашусь, то воспользуюсь вашей слабостью.

Владычица рассмеялась:

— Долг детей — выбивать выгоду, что плохого в том, чтобы воспользоваться моментом? Я была в гневе, вот ты и должна была этим воспользоваться. Чжан Босуй, ты перешла все границы, если бы не была моей дочерью, я бы тебя в порошок стерла!

— Супруги — самые близкие люди, но даже мой муж совершил предательство. Я же, напротив, после того как моя мать отдала жизнь ради моего спасения, никогда не использовала узы материнства ради выгоды. Вы оказали мне честь, исполнив мое предсмертное желание, и я буду благодарна вам всю жизнь.

Фан Дицзи не любила имя Иту, но это было ее настоящее имя, тогда как Цзыгуй — лишь второе

имя. Использовать второе имя при первой встрече с высокопоставленной особой — невежливо. Называть себя по имени перед правителем — уже дерзость, но она не знала, как к себе обращаться.

Владычица смягчилась, хотя нотки недовольства остались:

— Когда ты получала титул Дицзи в мире смертных, ты так не скромничала.

Фан Иту подняла голову и искренне улыбнулась:

— Я получила титул после того, как меня ложно обвинили и бросили в темницу. Императору нужно было успокоить армию и вельмож. А я просила этот титул, во-первых, чтобы показать верность и сохранить власть над войсками, во-вторых, чтобы узаконить свою власть на местах, в-третьих, чтобы показать всем, что мой род не сломлен, и в-четвертых, чтобы не выглядеть ничтожной перед аристократией.

— А теперь говоришь, что недостойна? Хм.

— Мои заслуги позволяли мне стать князем, но женщине лучше быть принцессой. — Фан Иту помрачнела, но тут же добавила: — Вы не знаете, матушка, но когда император был лишь нелюбимым сыном, я спасла наложницу покойного императора. Нынешняя императрица-мать Чжан — глава влиятельного клана, и императрице-матери было нелегко противостоять ей. Я действовала не только ради себя.

Третья принцесса, держа в руках кисть и свиток, пролепетала:

— Фан Дицзи, а вы в хороших отношениях с императрицей-матерью?

— А это кто? — улыбнулась Фан Дицзи. — Неужели небесный историограф?

Владычица устало прислонилась к подушкам:

— Это Третья принцесса, отвечай ей.

— Императрица-мать — моя приемная мать. Она очень добра ко мне, и я ее люблю.

Третья принцесса почесала бровь:

— Но мне показалось, у вас есть к ней претензии.

— Она — обычная женщина. Видя власть клана Чжан, она тоже хотела влияния. Я поддерживала императора, поэтому у нас возникали разногласия. К тому же она была слишком мягкой, не понимала политики и хотела, чтобы я ушла в отставку. Теперь я понимаю, что она была права, но поздно.

Третья принцесса записала это и спросила:

— Если вы очистили имя матери и победили врагов, зачем было заниматься налогами, полями и расследованием преступлений?

— Этот мир не связан со мной кровно, но он — часть моей жизни. Нельзя прожить за потомков, но хочется оставить им ясное небо и мирную землю.

Владычица Яочи немного остыла. Фан Иту была права. Она была талантливым государственным деятелем, и оставлять ее при себе было разумно.

— Во времена Яо и Шуня существовал титул Чжунсяо-хоу (Маркиз Верности и Сыновней почтительности). Фан Цин, не отказывайся.

— Слуга ваш, Фан Иту, благодарит за милость.

Фан Дицзи поклонилась. Она знала, что поступила правильно. Теперь, когда Владычица успокоилась, она не будет видеть в ней угрозу.

\*\*\*

Фан Иту поселили во дворце, выделив ей Ху Бань и Цзи Ю в качестве служанок. Ей дали небесные одежды и золотую пилюлю. Она проглотила ее и потеряла сознание.

Очнувшись, она обнаружила, что лежит на облачном ложе. Ху Бань сидела рядом, вышивая дворец на шелке. Фан Иту, сев, поняла, что на ней нет одежды, но смущаться было некогда. Она прикрылась шелковым одеялом и потянулась к платью.

— Госпожа Ху, — позвала она.

Ху Бань отложила вышивку и подошла:

— Есть приказания, маркиз?

Фан Иту вежливо улыбнулась:

— Зовите меня Цзыгуй. Мне нужно у вас кое-чему научиться.

Ху Бань кивнула:

— Тогда и вы зовите меня сестрицей Ху. Это платье — цюйцзюй, его трудно надеть в одиночку, я помогу.

Фан Иту поправила нижнее платье:

— Признаться, сестрица Ху, я даже не знаю, что это за наряд.

<http://bllate.org/book/21775/2251796>